

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 81

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2019.3-2/16>

Киор В. И.

ГВУЗ «Приазовский государственный технический университет»

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ)

У статті всі естетичні терміни розглядаються не із суто лінгвістичного, а з лінгвосо-семантичного погляду. Уся лексика мови поділяється на два великі прошарки: номінативна та процесуальна, тобто на слова конкретні й абстрактні. Розмовляючи про щось конкретне, треба вживати конкретну лексику, а про абстрактне – використовувати саме абстрактну лексику. У терміні «єдність» є елементи номінативні, проте є також процесуальні. Кажучи про єдність форми і змісту та використовуючи конкретну лексику, скажімо, «ємність» і «рідина», – не можна нічого досягти. Щось повинно бути первинним – єдності немає. Ми вважаємо, що геніально вчинив сучасник О. Пушкіна критик І. Кіреєвський, – він сказав, що «это не столько тело, в которое вдохнули душу, сколько душа, которая приняла очевидность тела». Ось, на нашу думку, – єдність. І під час розгляду понять «гармонія», «ідеал», «прекрасне» та їхніх антиподів стає очевидною їхня сутність, єдність з антиподом. У вислові «краса – річ жахлива» стає зрозумілішою антонімічна сутність краси.

Ф. Достоевський у літературній спадщині, зокрема в мистецтві, завжди обстоював єдність змісту і форми. Проте, незважаючи на те, що він приділяв багато уваги зображенню дійсності та завжди підкреслював, що художник відчуває якусь безпорадність перед нею, він зрозумів, що така невідповідність замислу художника та його відтворення буває майже в усіх видатних митців.

У статті також ідеться про семантичну неточність шилерівської формули «Краса врятує світ». Що слід розуміти під поняттям «краса»: зовнішній її бік чи внутрішній, категоріальний. Якщо зовнішній, то це номінативність, якщо внутрішній – процесуальність. Динаміка живого життя: «на світі нічого не починається і нічого не закінчується».

Дмитро Карамазов стверджував, що в людській душі є дві безодні. Звісно, ми не маємо права приписувати Ф. Достоевському думки героя, проте він також уважав, що людина може тримати в душі два ідеали – «ідеал Мадонни» і «содомський». «Мадонський» – це благородний ідеал гідний похвали і поваги. «Содомський» – це низький, гріховний, пов'язаний із тілесною красою ідеал. Ця подвійність повинна знешкоджуватися моральним і естетичним ідеалами. Це динаміка живого життя: «у світі нічого не починається і нічого не закінчується».

Ключові слова: краса, потворне, ідеал, віра, християнство, пристрасть.

Постановка проблеми. Одним из первых исследователей, заговорившим об эстетических взглядах Ф. Достоевского в начале прошлого века, был профессор И. Лапшин. Он писал в 1923 г. в берлинском издании, что «в настоящее время вопрос об эстетике Достоевского никак не покажется странным, на четверть века назад он вызвал бы у многих литераторов недоумение». Принципиально поворотный характер имела работа М. Бахтина, вышедшая в свет в конце 30-х гг. XX в. Он провозгласил Ф. Достоевского создателем «полифоничес-

кого» романа, основоположником романа нового типа. Об эстетике Ф. Достоевского писали Л. Розенблюм, Г. Фридендер, Н. Кашина и другие исследователи. В работе Г. Фридендера эстетическая концепция Ф. Достоевского рассматривается в тесной связи с его философией истории: история человечества мыслилась Ф. Достоевским как движение от патриархальности, через цивилизацию, к достижению высшей красоты идеала.

Особого внимания заслуживает книга Ю. Карякина «Самообман Раскольникова», где автор

справедливо говорит о «тяжелой борьбе внутри самого Достоевского между отчаянием и красотой и, более того, – в качестве вывода – мысль о неизбежной незавершенности этой борьбы».

Анализ последних исследований и публикаций. Из современных работ, которых, кстати, мало, следует выделить статью С. Шакина «Красота: этический и эстетический идеал в философии Ф. М. Достоевского», опубликованную в журнале «Философия и социология» в 2013 г. Он пишет, что Ф. Достоевскому «приписывают ставшую крылатой фразу «Красота спасет мир»». Не вступая с автором в фактологическую политику, отметим, что он также предостерегает, что «данное высказывание не следует понимать слишком буквально» [1, с. 18–21]. Ю. Боров пишет: «Когда-то Ф. М. Достоевский провозгласил: «Красота спасет мир». Однако почему же она его до сих пор не спасла?» Разве мало было шедевров искусства в истории человечества? Дж. Свифт после создания «Путешествия Гулливера» ждал исправления мира, избавления его от зла». И далее: «Красота способна «спасать мир». Но вот это видовое несоответствие глагола «спасет» и «спасать» – решает все. «Спасать» растянуто во времени, и тут надо ждать <...>» [2, с. 482].

Постановка задания. Цель статьи – на основе лингвистического анализа фактологического материала показать ущербность шиллеровской формулы «красота спасет мир», приписываемая Ф. Достоевскому, эта фраза нигде не зафиксирована документально, а лишь передается через третьи лица.

Изложение основного материала. Ф. Достоевский много думал о сущности прекрасного. Разумеется, как художник, он понимал, что прежде всего прекрасное – это искусство. Однако он не смешивал понятия красоты в жизни и красоты в искусстве. Если подходить с точки зрения лингвистической к этим явлениям, то получается, что первое – «красота в жизни» – понятие номинативное, т. е. чисто «статическое». Наталья Филипповна из романа «Идиот» обладает именно такой красотой, физической и душевной. О ней в романе говорится: «С такой красотой можно мир перевернуть», но вместе с тем она глубоко несчастна. Второе же понятие глубоко процессуально. Понятие «красота в искусстве» подвержено развитию, сущность этой красоты, по Ф. Достоевскому, заключается в гармонии. Художник призван вносить порядок в хаос жизни. Поэтому «человек жаждет ее, находит и принимает красоту без всяких условий, а так, потому только, что она красота, и с бла-

гоговением преклоняется перед нею, не спрашивая, к чему она полезна и что можно за нее купить. И, может быть, в этом-то и заключается величайшая тайна художественного творчества, что образ красоты, созданный им, становится тотчас кумиром, без всяких условий».

«Красота присуща всему здоровому, то есть наиболее живущему, и есть необходимая потребность организма человеческого. Она есть гармония, в ней залог успокоения. Она воплощает человека и человечеству его идеалы» [3, с. 86].

«Если красота – это гармония, это искусство, то она необходима человеку тем больше, чем гармоничнее мир, в котором он живет, чем в большем разладе он с этим миром находится», – считает Н. Кашина [5, с. 170].

Близость эстетических воззрений Ф. Достоевского и Ф. Шиллера очевидна: шиллеровская формула «Красота спасет мир» собирает воедино все положительные идеи писателя, его мысли и чаяния о возможном переустройстве общества, мечты о «золотом веке» на земле. Следует сразу сказать о том, что общественный идеал Ф. Достоевского, сформировавшийся еще в молодости, – всемирное братство. «У обыкновенных, текущих людей красота условна» [3, с. 86]. Если «идеал красоты» потерян, то, по Ф. Достоевскому, общество распадается. В общественном понимании, как любил повторять он, «красота важнее, полезнее хлеба». И вместе с тем он указывает на несовместимость его с действительностью как на важнейшую сторону прекрасного. Раз в мире нет красоты и благообразия, – прекрасное находится с ним в противоречии. Однако это противоречие рассматривалось Ф. Достоевским не в сфере общественных отношений, в более высоких слоях жизни. «Красота – это страшная и ужасная вещь <...>. Тут все противоречия вместе живут», – говорит Митя Карамазов [3, с. 109]. С другой стороны, «Красота спасет мир», – утверждал князь Мышкин в «Идиоте». В свое время много работ было посвящено пресловутой «карамазовской» тайне красоты у Ф. Достоевского, где «дьявол с богом борются». У нас вызвала серьезные возражения эта фраза: «Красота спасет мир», которую Ф. Достоевский нигде самостоятельно не произносил. Получается, что есть красота, и вот она должна прийти и спасти мир. Оба существительные даны в номинации. Но тут нарушается логика, оба они даны в номинации, на самом деле они существительные процессуальные, т. е. подверженные развитию. Красота ничего и никого не может спасти. Другое дело: «Мир спасется красотой». Это работает.

Красота должна спасти мир, – даже это работает, хотя и не так безапелляционно.

Существует такая расхожая притча. Когда хотят подчеркнуть что-то здоровое, цветущее, крепкое, употребляют фразеологизм «кровь с молоком». А если попробовать сказать наоборот, «молоко с кровью», – ведь ничего не добавлено, просто инверсия, – а семантически получается несурзаца. Так и в нашем случае. Все решает возвратная частица «-ся». То ли «красота спасет», то ли «красотой спасется». Второе выглядит более убедительно.

Общеизвестно, что Ф. Достоевский различал литературу «дела» и литературу «красоты». И всем своим естеством стоял за литературу «красоты»: «Она спасет», – говорил он, и литература – явление процессуальное. Потому-то и каждый его герой, даже самый пагубный, был в глубине своей наделен положительным началом и всегда подразумевал нравственное возрождение. Литература Красоты одна лишь спасет, – это работает [6, с. 148].

Ф. Достоевский всегда с чувством глубокого уважения и горькой нежности говорил о народе, считая, что социальная среда сделала его таким забитым и развратным, что он за бочку вина станет спасать горящую харчевню, а не горящую церковь.

И народ сам прекрасно понимает это: «Народ развратен; но дело в том, что он свое злое, не считает за хорошее, и мы свою дрянь, заведшуюся в сердцах наших и в уме нашем, считаем за культурную прелесть и хотим, чтобы пришел народ у нас учиться» [6, с. 525].

Однако, несмотря на все это, Ф. Достоевский просит не марать веры его народа, ибо вера, по Ф. Достоевскому, – чудо, способное возродить в человеке человека. Следует отметить, что такие понятия, как «вера», «Христос», «христианство» в эстетических воззрениях Ф. Достоевского приобретают несколько видоизмененное, качественно высшее звучание и значение. Например, «вера» у Ф. Достоевского – это поклонение всему прекрасному на земле, вера в существование «рая земного». Христос утрачивает свое первоначальное истолкование и превращается в образ Христа, в этот всевидящий идеальный Лик Христа, оценивающий людей. Христианство же – это и есть великое братство, возросшее до грандиозных масштабов. Понятно, что это идеализм чистого толка, но, исходя из идеалистического взгляда на историю человечества, Ф. Достоевский предостерегал, более того, он предсказывал, что если идти по пути

развития только материальной культуры, человечество ждет тупик. «Спасить может лишь возвращение к красоте» [5, с. 174]. Вот опять: «возвращение к красоте» может спасти, а ведь может и не спасти.

Уже говорилось о близости концепций Ф. Достоевского и Ф. Шиллера. Вот еще один общий постулат: «Путь к свободе ведет через красоту». Какую свободу имел в виду писатель? Разумеется, свободу вдохновения, которую больше всего в искусстве ценил Ф. Достоевский.

Своеобразно говорит он и о свободе творчества, явлениях, вытекающих из сказанного. Говоря о желании «утилитаристов» видеть художника всегда современным, служащим «общей пользе», Ф. Достоевский подчеркивает, что это «желание прекрасное». И здесь же добавляет, по-нашему, есть же непонимание основных законов искусства и его главной сущности – свободы вдохновения [7, с. 80].

Итак, укажем на альтернативу Ф. Достоевского в вопросе свободы творчества: в основе всякого искусства лежит свобода вдохновения, чем свободнее искусство в своем развитии, тем полезнее она человеческим интересам.

Именно к такой свободе ведет путь через красоту. Иными словами, только осознав, только поняв, только ощутив красоту, можно прийти к свободе. Известно, что Ф. Достоевский называл себя поэтом. Видимо, это не зря, – ибо он и сам осознавал, что ему дано видеть и чувствовать мир глубже и острее обыкновенного романиста. Отсюда такие горячие и проникновенные строки о свободе вдохновения.

Разумеется, прежде всего Ф. Достоевский был художником. Однако мы не имеем права отрывать эту номинацию от целостно-противоречивой личности писателя, – ибо здесь сплетено все: и художник, и философ, и человек. И, может быть, потому мы так говорим, что он всегда и прежде всего был художником, но художником «тринадцатой страсти» [8]. Известно, что французский утопист Ш. Фурье, кроме двенадцати известных человеческих страстей, вывел тринадцатую – постоянную неудовлетворенность действительностью. Ф. Достоевский считал себя приверженным именно этой тринадцатой страсти. Тогда становится понятным, почему фраза из «Дневника писателя» за 1876 г.: «Я человек счастливый, но кое-чем недовольный», в высшей степени символична для понимания Ф. Достоевского. Эта фраза имеет оксюморонно-парадоксальный смысл. Человек бывает либо счастлив, либо нет. Читатель, прочитав ее, сосредотачивает свое внимание на этом неопределенном местоимении «кое-чем». Он уже

забыл о том, что человек счастлив. Чем же он недоволен? И далее идет повествование. Таким образом, это маленькое местоимение приобретает в устах писателя очень емкий и глубокий смысл. В нем будто спрессованы и пружинно сжаты все его бывшие и будущие противоречия, противоречия его бывших и будущих героев.

В романе «Идиот» 18-летний юноша Ипполит Терентьев произносит слова: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»?». Ф. Достоевский был далек от собственно эстетических суждений, с одной стороны, и от эгоизма, с другой, – он писал о красоте души, о духовной красоте, и это отвечало главному замыслу романа – созданию «положительного прекрасного человека». Поэтому красота, о которой идет здесь речь, – это есть сумма нравственных качеств такого человека. А вот когда генеральша в этом же романе, держа в руке портрет Натальи Филипповны, спрашивает князя Мышкина: «Так вы такую-то красоту цените?», и, получив удовлетворительный ответ, спрашивает: «За что?». Вот слова князя: «В этом лице страдания много», – проговорил князь, как бы невольно, как бы сам с собой говоря, а не на вопрос отвечая. Вот очередной антипод: «красота – страдание», и здесь, как видим, «красота» берется в ее категориальном проявлении. Если в романе «Идиот» Ф. Достоевский устами героя говорит о том, что мир красота спасет, то в романе «Бесы» заключает, что «некрасивость убьет <...>». Так замыкается магический круг, очередного антипода «спасет – убьет».

Работа Г. Фридендера «Эстетика Достоевского» и в наши дни остается блестящим образом конкретно-исторического подхода к эстетическому наследию великого художника. Исследователь поставил вопрос о движущем начале эстетической мысли Ф. Достоевского и в качестве таковой первоосновы усмотрел гармонию и дисгармонию.

Г. Фридендер считал, что в своих эстетических воззрениях Ф. Достоевский оставался прежде всего художником, исходившим при решении любых вопросов искусства из тех проблем исторической жизни его эпохи, которые он стремился воплотить в своих произведениях [9, с. 39]. История человечества мыслилась Ф. Достоевским как движение от патриархальности через цивилизацию к достижению высшей красоты идеала. А идеалом Ф. Достоевского, как уже отмечалось, был строгий Лик Христа. И в этой связи необходимо разобрать с лингвистической точки зрения еще один постулат. Петрашевец Спешнев писал

в одном из писем по поводу антропотеизма: «Это тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у нее другой, новый, но не нов сам факт. Вместо Бога – человека, мы имеем теперь человека – Бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между Богом – человеком и человеком – Богом так уж велика?» [10, с. 496]. Может, для антропотеиста разница не так уже велика, более того, эти слова мыслятся как синонимы. Но для Ф. Достоевского разница вполне ощутима, в первом случае мы имеем дело с Богом, принявшим очевидность человека, спустившимся до него с небес. Во втором – с человеком, посягнувшим на Бога, «поднявшим» себя до небес. Оксюморонно-парадоксальный случай, в какой-то степени мы имеем дело с понятиями антонимическими. Причем в семантико-лингвистическом плане – доходящим до абсолюта.

Нам представляется верной мысль о «тяжелой борьбе» в самом Ф. Достоевском между отчаянием и красотой, вывод о «неизбежной незавершенности этой борьбы» [11, с. 141]. Исследователь из бывшей Югославии Ю. Бабович считает, в плане оксюморонно-парадоксальном, что «в мире, изображенном Достоевским, ни один вид красоты не мог изменить жизни, а наоборот, красота становится источником людского страдания и причиной, как и доброта» [12, с. 105]. Постулаты «красота – страдание», «доброта – страдание» – не являются взаимоисключающими, напротив, они перекликаются с уже упоминавшимся «путь к свободе ведет через красоту». Через красоту, доброту, через страдание – к свободе. Поэтому возмущается 18-летний юноша Ипполит Терентьев: «Не краснейте, князь, мне вас жалко станет. Какая красота спасет мир. Мне это Коля пересказал <...>». Таким образом, это не прямая речь Мышкина, косвенные слова, переданные, пересказанные кем-то. Не зря ведь князь рассматривал его внимательно и не ответил ему.

Вот строки из письма Погодину: «Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы» [13, с. 198]. Современная история показывает, что капитализм и христианство, общество и христианство – это антитезы, тяготеющие к христианству, ибо оно как бы растворяет в себе общественную составляющую.

Общественный идеал Ф. Достоевского – это всечеловеческое братство, полная гармония личного и общего. Именно под этим углом зрения писатель формирует свой эстетический идеал.

«Я неисправимый идеалист, – пишет он в февральском номере «Дневника писателя» за

1876 г., – я ищу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что я не могу жить без святынь <...>» [3, с. 215].

Слово «идеалист» здесь Ф. Достоевский употребляет своеобразно, в его несколько непринятом тогда звучании. По Ф. Достоевскому, быть идеалистом значило иметь в душе святыню и следовать ей. Такой этический, гносеологический вариант идеализма наиболее импонировал ему. Идеальное состояние личности, по мысли Ф. Достоевского, заключается в жертвовании своим «Я» для всех, в полной гармонии части и целого в системе общественного устройства.

Выводы. Шиллеровский постулат «Красота спасет мир» нам видится неточным, тем более что он «приписан» через третье лицо. Литература «красоты» призвана спасти мир. В основе эстетики Ф. Достоевского лежит некий постоянный процесс взаимодействия эстетико-этических полюсов, который растворяет в себе все оксюморонно-парадоксальные постулаты «гармония – дисгармония», «добро – зло» и т.д.

В своих эстетических воззрениях Ф. Достоевский оставался прежде всего художником «тринадцатой страсти» – постоянно неудовлетворенным действительностью.

Список литературы:

1. Шакин С. Красота: этический и эстетический идеал Ф. М. Достоевского. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. Раздел «Философия и социология». 2013. № 2–1. С. 18–21.
2. Боров Ю. Эстетика. Москва, 1988. 496 с.
3. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений : в 12-ти т. Т. 8. Санкт-Петербург, 1895. С. 86.
4. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений : в 12-ти т. Т. 8. Санкт-Петербург, 1895. С. 87.
5. Кашина Н. Эстетика Достоевского. Москва, 1989. 288 с.
6. Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Москва, 1971. Т. 83. 727 с.
7. Достоевский об искусстве. Москва, 1973. 632 с.
8. Никитин М. Здесь жил Достоевский. Москва, 1973. 206 с.
9. Фридендер Г. Эстетика Достоевского. *Достоевский – художник и мыслитель* / Г. Фридендер. Москва, 1971. С. 496.
10. Спешнев Н. Философские и общественно-политические произведения. Москва, 1953. 824 с.
11. Карякин Ю. Самообман Раскольникова. Москва, 1976. 158 с.
12. Бабович М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского. Ленинград, 1974. С. 105.
13. Достоевский Ф. Письма : в 4-х т. Т. 1. Москва, 1959. С. 198.

Kior V. I. LITERARY AND AESTHETIC CONCEPT OF F.M. DOSTOYEVSKY (EXPERIENCE OF LINGUISTIC ANALYSIS OF SOME TERMS)

Aesthetic terms are analyzed in the article from purely linguistic and semantic points of view, rather than from purely linguistic point. The entire vocabulary can be divided into two big layers: nominative and process, i.e. into concrete and abstract words. While speaking about something concrete one has to use concrete vocabulary and one has to use abstract vocabulary for description of something abstract. The term “unity” contains both nominative and process elements. If we speak about the unity of form and contents and use concrete vocabulary, like, for example “capacity” and “contents” we are not likely to succeed. There must be something original, as there is no unity. We believe that I. Kireevskiy, O. Pushkin’s contemporary managed to present a brilliant wording, when he said: “This is a soul that took an evident shape of a body shape, rather than a body into which a soul was breathed”. This, as we believe, is unity. And when we consider such notions like “harmony”, “ideal”, “beauty” or their antipodes their essence, meaning and their unity with antipodes become evident. The saying “beauty is a terrible thing” becomes understandable and antonymic for the essence of beauty. F. Dostoevsky always stood for the unity of form and contents in his literary heritage. However, despite his paying much attention to description of reality, he always used to stress that a literary artist always felt some sense of defenselessness to it. He understood that nearly all outstanding artists suffer from such discrepancy between intention and its realization. In the article semantic discrepancy of F. Schiller’s formula that “beauty will save the world” is mentioned. It is not clear what is to be meant under the notion “beauty”: is its outward shape, or its internal categorical side. If it is outward shape, then it is nominativity, if it is internal side – then process is meant. It’s dynamics of living: “nothing commences and nothing ends in this world”. Dmitriy Karamazov asserted that human soul had two abysses. We, certainly, cannot maintain that Dostoevsky stuck to the thoughts of his characters, but it is known that he thought that a person could have two ideals in his/her soul – “Madonna’s” and “sodomite”. “Madonna’s” ideal is a lofty, noble ideal, worthy of appraisal and respect. “Sodomite” ideal is a low, sinful ideal, close to body beauty. This ambivalence is to be destroyed with moral and aesthetic ideals. This is dynamics of actual living: “nothing commences and nothing ends in this world”.

Key words: beauty, ideal, faith, Christianity, passion.